ФРОНТОВОЙ КИНООПЕРАТОР КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ДУПЛЕНСКИЙ

Заметки к профессиональной биографии

Н.Дупленский
ndoupl@gmail.com

> «Оценить в полной мере жизнь нельзя, не видевши смерть – отсюда мое стремление попасть во фронтовую хронику».
>
> *(из письма К.П. Дупленского родителям в Самарканд, 27 августа 1942 г.)*

После того, как я привез в Москву и обработал семейный архив, а потом прочитал и перечитал все документы и все письма, которыми обменивались мои старшие родственники в ту нелегкую для страны пору, я начал понимать, что должен найти способ поделиться многим из этого с другими. Дело тут не в тщеславии – мои родители, оставаясь, конечно, самыми близкими для меня людьми, в этих документах и письмах предстают перед нами, современниками, уже не только частными лицами, а достойными **представителями** того поколения, перед которым мы с бесконечной благодарностью склоняем голову. Причем они в этом ряду – равные остальным, не особые герои, а «лишь» честно выполняли свой воинский и профессиональный долг, каждый на своем месте.

Поэтому я счел уже и своим гражданским долгом подготовить эти записки, чтобы о моих родителях-фронтовиках осталась овеществленная в письменном тексте память, чтобы она, как кусочек мозаики, вошла в нашу общую память о неподдающихся сейчас осознанию тяжелейших испытаниях, через которые прошло старшее поколение, о неимоверном напряжении сил, в котором они находились в течение 4 лет войны, об их порядочности и стойкости, верности чести и долгу. Конечно, были всякие люди и тогда, но я горд сознанием того, что таких как мои родители было много – в сотни тысяч раз больше, чем ромашовых – трусов, приспособленцев и предателей!

Эти записки будут большей частью представлять собой обширные цитаты из писем военной поры. Только там, где это нужно для логики повествования, я даю некоторые комментарии. Таким образом, с читателями записок будут говорить напрямую сами «герои» повествования, почти без посредников.

Записки, главным образом, будут касаться профессионального пути моего папы, но поскольку военные судьбы моих родителей теснейшим образом переплетались, то для полноты картины надо обязательно и о маме[1] написать.

Они оба были мобилизованы в РККА в 1942 году, папа – после окончания ВГИКа (уже после эвакуации института в Алма-Ату), а мама – Самаркандского медицинского института. Врачи у нас и тогда, и сейчас – военнообязанные. Она, будучи по специальности офтальмологом, прошла обучение в Москве на курсах усовершенствования врачей-хирургов и всю войну прослужила хирургом в 556-м медсанбате при 7-м механизированном корпусе особого назначения.

[1] Дупленская Антонина Ивановна (до замужества – Казакова).

В конце сентября 1943 года ее корпус отправился в Запорожье на Юго-Западный фронт. Там Антонина Ивановна получила боевое крещение, а всего через месяц, 21 октября 1943 г. – первую награду «За боевые заслуги», которую вручали, в частности, за инициативные и смелые действия в бою, способствовавшие успешному выполнению боевых задач воинской частью.

«Молодой врач впервые на фронте и, несмотря на тяжелую фронтовую обстановку, сумела очень быстро, проявляя при этом огромную любовь и энергию у операционного стола, оказать хирургическую помощь более чем 300 раненым бойцам и офицерам в дни операций. В условиях неприятельской неоднократной бомбежки с опасностью для жизни спокойно продолжала вести свою работу, призывая остальных товарищей оказывать срочную помощь раненым». (ЦА.М.О фонд 33 опись 686044 единица хранения 3750)

Вот описанный ей эпизод (один из многих, наверно) из жизни врачей на фронте: «Был ясный солнечный день, осеннее небо. Кто-то сказал: «Рама пролетела». Это разведывательный самолет. Мы всегда узнавали его по звуку и боялись появления этого самолета. Значит, будут бомбить. И действительно, раздался грохот, все потемнело – бомбят медсанбат. Были убитые и раненые среди медиков и раненых. Я была контужена. Не слышала и не разговаривала. Командир медсанбата написал на бумаге: «Видишь?». «Да». Посмотрел на меня и сказал: «Видишь, руки-ноги есть – работай!». И я работала».

Она прошла всю Отечественную войну в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов – Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Болгарию, Чехословакию.

Закончили они войну в Китае, куда их обоих, хотя и порознь, конечно, направили после окончания боевых действий на германском фронте. К моменту демобилизации в 1946 году папа имел звание инженер-капитана, а мама – капитана медицинской службы, причем в ходе операции в Манчжурии по разгрому Квантунской армии она была награждена орденом Красной звезды – нетривиальная награда для военного врача[2]. Этим орденом отличали мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского или служебного долга, в условиях, сопряжённых с риском для жизни.

А. Казакова на фронте

«В период быстрого продвижения наших войск по труднопроходимым местам Монголии и Манчжурии сумела организовать квалифицированную хирургическую помощь раненым и больным бойцам и офицерам. Не считаясь с усталостью, часто под проливным дождем, по колено в воде, прямо с дороги помогала развертывать палатку операционно-перевязочного взвода для быстрейшего приема раненых. Как и во время боев с немецко-фашистскими захватчиками, отдавала себя целиком спасению жизни раненых, участвовала в наведении переправ для прохода автомашин медсанбата, что способствовало быстрейшему продвижению вперед». (ЦА.М.О фонд 33 опись 686196 единица хранения 6766).[3]

[2] Во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу работало около 200 тысяч врачей и более полумиллиона лиц среднего медицинского персонала. Половина из них — женщины. Многие были награждены орденам и медалями, 17 из них стали Героями Советского Союза. В те годы врачам удалось спасти 72,3% раненых и 90,6% больных солдат, всего около 17 млн. человек, – при том, что численность советской действующей армии на 1 января 1945 г. составляла примерно 6 млн. 700 тыс. человек.

[3] Ее часть вместе с другими нашими войсками форсировала горный хребет Большой Хинган, преодолела безводные степи Монголии и освободила Манчжурию. Переход через хребет Большой Хинган – **очень трудная** операция. Посмотрите документальный фильм «Разгром милитаристской Японии» (там, кстати, есть и папины съемки) – https://www.youtube.com/watch?v=vtEbFW49l3o.

Оба они учились в одном классе школы в Самарканде, но взаимные чувства между ними возникли гораздо позже, в 1941-1942 гг. Они переписывались, а потом встретились в Москве осенью 1942 года, где каждый ожидал отправления на фронт. После этой встречи они уже несли свою любовь через расстояния и разлуки. Папе иногда удавалось находить ее на войне, поскольку он мог получить, если позволяли обстоятельства, от своего начальства разрешение на короткую отлучку; как он узнавал об ее местонахождении – это отдельный интересный рассказ, ведь на фронте в письме прямо не напишешь, т.к. военная цензура вымарает. Встретившись в сентябре 1943 г. в Москве, молодые люди договорились о шифре: над некоторыми буквами в письме ставить точки, чтобы можно было сложить буквы в слова и прочесть название города. Так они и делали, и знакомые удивлялись, как молодому человеку удается находить подругу на фронтовых дорогах.

Теперь, наконец, посмотрим на папин профессиональный операторский путь на фронте, а также немного и на предвоенные годы.

У меня есть записанное на 16-мм кинопленку интервью, которое папа дал своему бывшему ассистенту, а на момент разговора – студенту ВГИКа Сергею Мирошниченко, сейчас уже известному режиссеру документального кино. Там папа, в частности, рассказывает, с чего у него все началось.

«Вообще кинематографом я всерьез заболел еще в школе, в 8-м классе. У меня были хорошие приятели-киномеханики, и я ходил к ним в кинобудки, помогал показывать кинокартины. Мы жили в Самарканде, и это пристрастие к кинематографу зародилось во мне именно здесь, в проекционной кинобудке. Окончил 10-й класс в 1938 году и поехал в Москву сдавать экзамены во ВГИК. В то время ВГИК не представлял собой такого большого учебного заведения, каким он является сейчас. Располагался он на Ленинградском шоссе в помещении бывшего знаменитого ресторана «Яр». И вот на операторский факультет я и набрался смелости поступить – из далекой провинции.

Когда началась война, то нам – всем операторам того курса – пришлось переквалифицироваться в хроникеров: вместе с ребятами, которые учились в мастерской известных кинодокументалистов Макасеева и Ошуркова, я отправился на фронт. Я попал в киногруппу Черноморского флота, что и объясняет черный цвет моей форменной одежды на фотографиях той поры. Мы работали вместе с известным кинохроникером Владиславом Владиславовичем Микошей. Он, можно сказать, был моим основным учителем по документальному кино, особенно по фронтовым съемкам.

В. Микоша и К. Дупленский на Сапун-горе

Генеральное наступление на Севастополь началось 8 мая. После мощной артиллерийской подготовки наши войска перешли в наступление, а до этого мы почти месяц не могли выбить немцев с Сапун-горы.

Что было примечательного в том наступлении? Когда прорвали в одном месте оборону немцев, то они стали открытым текстом просить помощи: «Давайте нам сюда подмогу, на нас русские наседают!». Наши перехватили эту радиограмму и, конечно, воспользовались этим случаем – только подкрепление туда дали не немцы, а наши, прорвали в этом месте оборону противника окончательно и войска хлынули на Севастополь. Это, конечно, был уже разгром немцев и наступление наших войск уже никак нельзя было остановить – вплоть до мыса Херсонес и Севастополя наши войска шли, по сути дела, без остановки. Мы снимали и боевые действия, и само вступление наших войск в Севастополь. Отдельные очаги сопротивления быстро подавлялись.

А на мысе Херсонес сосредоточились те войска, которые эвакуировались морем. Там были раненые, отступавшие войска, техника. Немцы подгоняли туда корабли и эвакуировали своих солдат и офицеров, но наша авиация не давала им далеко уйти – где-то у берегов Крымского полуострова она эти транспорты топила.

Вспоминаю один эпизод, видимо, очень характерный для немцев. Они эвакуировали своих раненых, которые в ожидании погрузки на корабли находились в одном большом котловане, выкопанном, возможно, еще в давние времена, во времена французского наступления на Севастополь. И когда мы подошли туда, то были поражены – весь этот котлован был усыпан трупами немцев, хотя наши здесь не били, не воевали. Трое немцев оказались живы. От них мы узнали, что сами же немцы поставили пулеметы вокруг этого котлована и расстреляли своих солдат, чтобы они не попали в плен к русским.

К. Дупленский ведет съемку на мысе Херсонес

Интересный эпизод мне довелось увидеть в документальном фильме «Великая Отечественная», эпизод, снятый мной и моим товарищем Гаем Аслановым в Вене. Когда освободили Вену, то венцы ликовали – естественно, потому что они освободились от не совсем приятного патронажа Гитлера над своей страной, над своими судьбами. И что интересно – в свое время им было запрещено исполнять музыку их любимого национального композитора Иоганна Штрауса, и особенно его вальсы. Когда наши войска освободили Вену, то перед

парламентом был устроен большой праздник венцев, торжество, там были и наши солдаты. Наш военный оркестр вдруг заиграл вальс Штрауса. Надо было видеть на месте, что там творилось – буквально вся площадь пришла в движение и венцы начали кружиться в вальсе. Танцевали друг с другом и наших солдат приглашали, женщины с большим удовольствием танцевали с нашими солдатами… Этот эпизод отразил ликование жителей Вены».

Вернемся к студенческим годам и к тревожному лету 1941 года.

Слово моему отцу, тогда еще Косте Дупленскому. Вот он сообщает родителям о вступительных экзаменах и своем поступлении во ВГИК.

Из письма родителям
Москва, 4 сентября 1938 года

Так вот, значит, попал я в институт и остаюсь в Москве. Экзамены были такие: математика письменно, русский язык письменно, политграмота, математика устно, химия, физика, русский язык устно, немецкий язык, фотография (натура), фотография (павильон), рисование, спецколлоквиум[4]. В результате получились такие результаты: математика – отлично, физика – отлично, политграмота – хорошо, литература – хорошо, немецкий – хорошо, химия – удовлетворительно.

Нужно учесть, что получить в Москве «хорошо» – это не то, что получить в Самарканде «отлично». Очень уж здорово спрашивали химию, как будто мы на химфаке сдавали государственный экзамен. Здорово спрашивали. Так вот, набрал я 29 баллов из 35. На общеобразовательных испытаниях отсеялось больше половины. Всего было 19 отличников и 150 смертных. К специальным испытаниям осталось вместе с отличниками всего 90 человек. И выходило, что на одно место было 3 человека. К этим испытаниям они подошли еще строже. Из 90 человек у 60 было «плохо» по фотографии, около половины имели «плохо» по рисованию.

На спецколлоквиуме присутствовали все знаменитости – Головня, Анощенко, Волчек, Макасеев, Желябужинский[5]. У всех их надо было побывать, и каждый получал по полчаса на абитуриента. Пройдя через все эти мытарства, я был зачислен студентом на 1-й курс операторского факультета.

Из письма родителям
июль 1941 г.

Сегодня пишу короткое письмо с целью информации о положении дел в Москве и о себе самом.

[4] Разновидность профессионального собеседования.
[5] А.Д. Головня – кинооператор, теоретик кино, педагог, заведующий кафедрой операторского мастерства ВГИК, Н.Д. Анощенко – профессор кафедры операторского мастерства ВГИК, Б.И. Волчек – руководитель операторской мастерской, профессор ВГИК, Б.К. Макасеев – доцент кафедры операторского мастерства, Ю.А. Желябужский – кинооператор, режиссёр и сценарист, профессор кафедры операторского мастерства ВГИК.

22-го в 12.15 узнали о нападении Германии. Думаю, что не нужно объяснять наше всеобщее состояние. Войну с Германией, войну двух принципиально противоположных сторон, ждали. Ждали и, наконец, это свершилось.

Сколько было разговоров, предположений и сомнений! О подготовке к экзаменам нечего было и говорить. Вечером узнали о всеобщей мобилизации. Часть наших ребят подлежат призыву, но повесток из военкомата еще не было, ждут. Те, кто не подлежит призыву, а также девушки решили своими силами помогать фронту в тылу. Решили ехать в колхоз на полевые работы. Рабочих рук там мало, и думаю, что нам не откажут. С этим мы обратились через парторганизацию в соответствующую инстанцию. Ждем ответа.

А сегодня в 3 часа ночи нас подняла воздушная тревога. Сирены, гудки, звонки пробудили нас всех. Все вышли на улицу. Женщин и детей направили в бомбоубежище при студгородке, а остальные пошли к метро. Нам пришлось быть неофициальными блюстителями порядка, т.е., усмирять паникеров. Мужчины слушались, но женщины – нипочем. Над Москвой летали самолеты. В воздухе рвались снаряды. Самолеты летели с юга на север, т.е., прямо на нас. Интересно было смотреть, как огонь по самолету постепенно продвигался к нам. Вот заговорили зенитки и в нашем районе. Самолет полетел на север. Появились наши истребители. Население было в метро часа полтора. Затем был дан отбой. Все пошли по домам.

Утром стало известно, что это была проверочная тревога. Все как будто нормально. Посты готовы и команды работают хорошо. Все же население было испугано, как и следовало ожидать. Потом постепенно привыкнут и не будут паники и плачей поднимать. Сегодня утром услышали последние новости о пленении 5000 немецких солдат и офицеров.

Из письма родителям
3 июля 1941 года

Вот уже трое суток мы едем в западном направлении. По всей вероятности, нас направляют в район Смоленска.

Настроение бодрое и веселое. К жизни на колесах в теплушках привыкли и чувствуем себя как дома. Подъема и оптимизма – хоть отбавляй. Сегодня бойцы дали нам «Правду», где напечатано выступление Сталина. Читали вслух и приняли с аплодисментами. Призыв Сталина должен всколыхнуть весь Союз, ибо сила наша – в нашем единении. Война принципиальная и жестокая. Здесь не может быть речи о собственном благополучии и спокойствии. Во всяком случае, мы, молодежь, с каждым часом все сильнее и сильнее это понимаем.

И когда нам придется столкнуться с врагом, которого мы ненавидим так, как только можно ненавидеть, мы с гордостью в сердце будем защищать вас, стариков, и тех, кто будет жить дальше. На ваши плечи ложится титанический труд сейчас – дать все тем, кто уже дерется, в дальнейшем – тем, кто будет драться в будущем. Так или иначе мы победим. Прошу тебя не волноваться по поводу моего отъезда, ибо то, что нужно – нужно. Может быть, из нашего района не будет доходить почта, что также вполне вероятно. Ты не придавай этому особого значения. Во всяком случае при каждой возможности буду сообщать о себе.

Из письма родителям
3 августа 1941 года

Представился еще один случай отправить несколько строк.

Во-первых, сообщаю, что жив-здоров и чувствую себя прекрасно. За исключением спины, где от длительной работы сильно болят мышцы. Надеюсь, что и это скоро пройдет. Вот уже 20 дней, как мы ежедневно роем землю. Как ни тяжела работа, я уже привык к ней, втянулся и абсолютно механически копаю грунт. Кроме всего, получил звание землекопа 4-го разряда. Здесь мы находимся в роли строительных рабочих с соответствующим окладом. Питание всех рабочих – централизованное в столовых и отдельное (паек на завтрак). Жаловаться на питание не приходится. В военное время и в полевых условиях наше питание можно считать хорошим. Живем в сарае, спим на сене. Первое время спать было хорошо, но сейчас стало холоднее и приходится думать о том, чтобы не замерзнуть, ибо из Москвы я не успел захватить почти ничего теплого.

О времени нашего пребывания здесь ничего не известно, хотят оставить еще на неопределенный срок, не менее двух недель. Думаем добиться у начальства разрешения съездить в Москву экспедицией за теплыми вещами. В случае приближения к нам фронта нас либо эвакуируют в Москву, либо перебросят на другой участок. Вероятно, тебе из сводок известно, что на смоленском направлении особенно тяжело и нет гарантии, что немцы скоро не подойдут к нашим «позициям». Доказательством этого служит почти беспрерывная далекая канонада на западе, которая особенно хорошо слышна ночью. От беженцев слышали, что Рославль (80 км от нас) взят немцами. Минувшей ночью мы видели большое зарево именно в том направлении. Но мы так привыкли к полувоенной обстановке, к стрельбе, бомбежке и к постоянному нахождению над нами немецких самолетов, что равнодушно и как должное воспринимаем эти вещи. Для нас не будет неожиданностью, если нам дадут в руки винтовки вместо лопат, и мы будем защищать созданную нами же линию.

Плохо только одно – мы абсолютно не знаем, что будем делать завтра. Может быть, так и нужно в современных условиях. Может быть, нас скоро вернут в Москву, так как учеба уже началась. Во всяком случае, где бы я ни был, я постараюсь быть полезным, так как ясно представляю себе и понимаю свою роль. Единственное, что мне хочется знать – это состояние здоровья и настроение моих родных. Даю свой адрес, но не надеюсь на получение письма, потому что мое местонахождение может измениться в любой момент. Во всяком случае, пишите – это мне будет теплым приветом с Востока. Полевая почта 647, Строитель, 14-й стройучасток.

Из письма родителям
Москва, 30 ноября 1941 года

Наконец, я вернулся в долгожданную Москву, но не встретил того, что ждал.

Прошло уже два дня, за которые успел составить себе представление о настоящем и будущем положении дел. А положение – не ахти какое хорошее. Правда, учеба в институте началась давно, но организована из рук вон плохо. Опять старые неполадки и старая богема, которые абсолютно не вяжутся с современным положением в стране.

Когда нужно как можно скорее выпустить готовых специалистов, наши головы растянули программу до августа 42 года. Когда каждый час на учете, они не могут нормально организовать учебный процесс.

Я не могу терпеть волынки в такое время и не знаю, как с этим смириться. Если только смириться на удастся, то я пойду в полковую школу, чтобы приносить какую-то реальную пользу, как я приносил ее там, откуда приехал. Три месяца я работал там и действительно получал какое-то моральное удовлетворение от собственного существования. Теперь же жить труднее, ничего не делать и бесцельно есть хлеб я долго не смогу. Может быть, улучшатся дела в институте и совесть будет спокойна.

О том, как я жил там, в письме не напишешь, может быть, встретимся и тогда расскажу. Одно могу сказать, что претерпел немало трудностей и лишений, нередко подвергался опасности. Но были у нас и минуты радостные.

Из письма своему дяде М.С. Дупленскому
Алма-Ата, декабрь 1941 года

Как только началась война, так в моей жизни началась катавасия. Три с половиной месяца я был на фронте, откуда осенью нас отозвали на продолжение учебы. Только начали учебу, как немцы напали на Москву, и наш институт стали эвакуировать. Я уж хотел опять пойти на фронт, но был обязан эвакуироваться по приказу СНК. Был назначен начальником группы. Ехали целый месяц. Недавно прибыли в Алма-Ату, где обоснуется наш институт. Живем пока в техникуме по адресу Заводская улица, 8. Учебу в институте должны кончить к июлю 1942 года.

Из письма родителям
Алма-Ата, 26 апреля 1942 г.

Ну, вот, я, наконец, вернулся в Алма-Ату. Приехал сюда 24 апреля утром.

Не успел приехать и показаться на студии, как на меня набросились с работой и я два дня вкалывал и днем и ночью[6]. Сегодня – выходной день и я, выспавшись и отдохнув, пишу вам письмо. Почти два года я не был у вас. За это время, в особенности за время войны, я отвык от теплого семейного угла, где все горести и радости переживаются вместе, где чувствуешь себя частицей самого дорогого и радостного – семьи.

Сейчас у меня нет более приятного воспоминания, чем о днях, проведенных в жарком, пыльном и душном Самарканде, но в дорогом мне кругу своих родных и друзей. Я рад, что увидел вас, порадовал вас своим присутствием и теперь уже более или менее спокойно могу продолжать работу и защитить диплом.

Говорю «более или менее» потому, что мое спокойствие может продолжаться еще 2-3 месяца, а затем начнутся дни Кости-воина, ибо создающееся положение не обещает иного исхода. Сейчас из нашего института берут ребят по 3-й курс включительно и посылают в полковые и др. школы. 4-й курс и дипломников пока не трогают, но наш черед близок.

[6] Параллельно с учебой он работал на киностудии ЦОКС, созданной на базе эвакуированных в Алма-Ату Мосфильма и Ленфильма, ассистентом оператора на картине «Секретарь райкома» режиссера И.А. Пырьева.

Завтра схожу на базар и куплю картошки и сахарной свеклы. Картошки для того, чтобы завтракать и ужинать, а свеклу – для чая (сваренная и нарезанная ломтиками, она может заменить джем и мармелад).

Из письма родителям
5 августа 1942 г.

Как уже писал, сейчас все внимание направлено на подготовку диплома. Комиссия будет заседать с 15 по 25 августа. За этот срок я должен буду добыть себе путевку в жизнь. Плохо то, что до сего дня меня еще не освободили от работы на студии, и это мешает полностью отдаться учебе. Но обещают освободить сегодня-завтра.

Неизвестное будущее приятного чувства не вызывает. Из Москвы до сих пор ответа не получил. Завидую тем ребятам, что работают уже во фронтовых группах. У них там – жизнь, а у нас – мертвечина и прозябание. Об искусстве, как насущной потребности наших творческих работников, не может быть и речи. Все считают себя временными жителями и больше думают о возвращении в родные края. Да это и понятно, когда у меня самого такое чувство, хотя я – небольшой винтик в нашем производстве. Со всем этим можно было бы смириться до поры до времени, если бы не чувствовал себя здесь таким одиноким. Поэтому так хочется бурной, кипучей деятельности, чтобы забыться, поэтому-то я не выражал неудовольствия, когда приходилось работать неделю или две по 18-20 часов в сутки – тогда времени не замечаешь. Витают какие-то редкие мысли в усталой голове о родных и знакомых, о Самарканде и Москве. Но они не выступают так ярко наружу, как в момент простоя и вынужденного безделия. Тогда хорошо, придя с работы, в изнеможении лечь в постель, вспомнить приятное из прошлого, немного помечтать о будущем и уснуть крепким сном. Чувство одиночества притупляется. Еще когда я пишу или получаю письма, испытываю чувство душевной радости.

Из письма родителям накануне отправки на фронт после окончания ВГИКа
27 августа 1942 г.

Извини меня, если это письмо не сможет удовлетворить тебя ни достаточным объемом, ни достаточным содержанием. Пишу тебе в таком состоянии, когда в душе как-то пусто, ни в чем не находишь себе отрады и даже в мыслях не обнаруживаешь чего-то привлекающего.

Чем объяснить такое состояние, не могу понять. То ли это недовольство своей настоящей жизнью, то ли тоска по родному, то ли просто усталость от бесконечных дум обо всем, начиная от самых мелких житейских вопросов и кончая вопросами о судьбе Родины и своего места в ней?

Особенно тяжело сознавать, что, дожив до 22 годов, я так мало знаю жизнь, но уже не могу воспринимать ее непосредственно, как она есть, находить прекрасное и ценное в незаметном, а вижу мир через преломляющие очки творчества, которые (очки) мне еще не по глазу. Учить людей жизни и воспитывать их, самому не видев ее и не найдя собственную точку в ней, тяжело и мучительно! В конце концов это просто преступление – убеждать себя, что твое творчество не ложь и убеждать других, что это правда. Прежде чем учить, нужно очень хорошо знать самому. А беда многих творческих работников в том, что они, высосав из пальца «истину», преподносят ее вам как самую достоверность. Отсюда слабость, неубедительность и фальшивость их искусства.

Я не собираюсь быть классиком и гением, но мне всегда приходит в голову воспоминание о Горьком. Сколько он видел и изучил в самой настоящей жизни, прежде чем создал в литературе образы, сильные и убедительные. Когда читаешь классиков или смотришь картины великих художников, поражаешься силе и красочности их изображений. И все потому, что они видели жизнь и знали ее. И в том несчастье многих, что, воспитанные в парниковых условиях, знакомые только поверхностно с самой жизнью, они не могут пойти дальше изученного и внести в искусство свое собственное. Их творчество дрябло, блекло и безжизненно.

Я не хочу быть в числе последних в будущем, хотя в настоящем я таков есть. Поэтому мне так трудно сейчас, при всех благородных порывах, создавать вещь интересную, правдивую и сильную, так как осознаю свою беспомощность в силу незнания жизни. Создавать вещь заведомо ложную претит моей душе. Поэтому-то столько мучений доставляет мне диплом.

Между прочим, к вышеизложенным мыслям я пришел именно в связи с дипломом, т.к. всю вещь от начала до конца вынужден был делать сам. Но даже и в том случае, если бы мне в этом помогали сценаристы и режиссеры нашего института, то особенной эффективности ожидать не следовало бы. Они, также как и я, не знают жизни, а просто желторотыми птенцами со школьной скамьи получили в институте только знания общих принципов, на которых в конкретной работе далеко не уедешь.

Наш институт резко отличается от других своей спецификой. Другие институты учат жить и работать. Наш дает нам знания (но не умения) как учить жить и работать. Юноша или девушка, попадая к нам сразу же после школы, с рвением берется за дело, и, прочитав несколько томов изречений великих людей, прослушав за четыре года бесчисленное множество лекций, мнит себя законченным мастером, а некоторые даже мнят себя гениями, и только, наткнувшись на конкретную работу, начинают понимать, как они слабы, да еще как слабы!

Я не мнил себя законченным мастером, тем более гением, но был уверен, что накопил немало сил и знаний, чтобы претворить их в реальность, но теперь воочию увидел, как мне много нужно учиться, как много увидеть в жизни, взять от нее все что можно, прежде чем как-то считать себя мастером. Именно эта истина, суровая и неопровержимая, правда, пришедшая вовремя и кстати, эта истина, может быть, и выбила меня из той колеи, по которой я шел четыре года и надеялся придерживаться ее впредь. Но это только на время, пока я еще не оправился и не почувствовал под собой более правильный и твердый путь.

Пока я нахожусь на перепутье. Но одна дорога, прямая и широкая, богатая разнообразием манит к себе. Это – хроника жизни. Оценить полностью жизнь нельзя, не видевши смерть. Поэтому-то должно быть понятно мое стремление попасть во фронтовую хронику, где я, будучи корреспондентом, могу увидеть очень много ценного и для Отечества, и для себя лично.

Я так погряз в бессмысленном прозябании в тылу, что только сильная встряска может вновь поднять меня на ноги и влить свежие силы в мои застывшие жилы. Фронт будет началом моей будущей жизни.

Из письма мамы папе
Москва, 16 октября 1942 г.

Прибыла в Москву 11 сентября и до 24 сентября находилась в резерве, каждую минуту ждала назначения в часть. Из 50 приехавших 8 человек попали на курсы КСР и 7 человек – на курсы усовершенствования врачей-хирургов, в том числе и я попала туда. У меня было внутренне

предчувствие, что я останусь, но я не была уверена в том. В один из дней вызвал нас начальник резервов к себе. Стоим мы за дверью толпой и кричим: «Ты куда записываешься – на курсы терапевтов или хирургов?». До этого слух прошел о том, что будет набор на курсы. Перед тем, как мне зайти в кабинет, я стою и кричу двум девушкам: «Ну, скажите, последний раз, куда записаться, чтобы мы были вместе?». Захожу. Он задает мне пару вопросов, касающихся моей биографии, а потом спрашивает меня: «Куда бы Вы желали, только, пожалуйста, не говорите так, как Вы решили за дверью». Мы с ним вместе посмеялись, и я ему рассказала, кем бы я хотела быть, если бы не было войны. На другой день меня нашли в списке хирургов. Заниматься будем до 26 ноября. Сейчас работаю в клинике Вишневского, работать приходится очень много, да еще среди тяжело раненых бойцов. Живем, как полагается по-военному – все делаем по звонку. На один звонок у меня выработался исключительно хороший условный рефлекс, пожалуй, лучше, чем у собаки Павлова. Это – звонок к обеду! Встаем в 7 часов и до 11 часов день занят. Очень устаю.

Из письма родителям
5 декабря 1942 г.

Назначен в военно-морскую киногруппу. После получения назначения началось оформление фронтовых документов. Впереди – жизнь на кораблях, среда седых волн морей. Да, сообщаю, что получил форму, пока что пехотинскую. По прибытии на место назначения выдадут морскую.

Похоже, что следующее письмо было написано в самом начале папиного фронтового пути – судя по тому, о чем он пишет и где находится. Первой его работой было участие в съемках документального фильма «Каспийцы», следовательно, нахождение в Баку оправдано и логично.

Из письма родителям
10 января 1943 г.

Пишу из Баку. Вот уже пять дней мы живем в этой солнечной столице Азербайджана, а кажется, прожили уже целый месяц – так медленно течет время.

По установленному порядку прошли санобработку, конечно, так же, как мы проходили и везде. Затем отправились оформляться в соответствующие инстанции. До вечера успели представиться командованию, стать на довольствие и получить места в общежитии командиров.

На другой день, отдохнувшие и бодрые, мы направились завершать начатое в предыдущий день и попутно осматривать город, знакомиться с жизнью и людьми Баку.

Прошло ведь всего пять дней, срок ничтожный, время вынужденного безделья. Правда, сейчас мы постепенно приготовляемся к съемке и через несколько дней будем снимать. Это, безусловно, будет настоящим началом нашей работы.

Из совместного письма папы и мамы родителям
21 сентября 1943 года

Счастливая судьба вновь дала нам возможность встретиться в трудные дни войны и еще раз вместе написать вам письмо.

Неважно, что пришлось пережить нам обоим в месяцы, предшествующие долгожданной встрече, неважно и то, что, даже встретившись, мы не вольны в своих желаниях, а важно то, что мы эти несколько дней были вместе, радостны и счастливы.

Сами вы прекрасно понимаете, что эта встреча была для нас вдохновением для упорной борьбы за свое счастье в недалеком будущем. Это – новая зарядка, дополнительные силы, которые будут поддерживать нас вплоть до следующей и, надо полагать, последней безразлучной встречи.

А как мы будем счастливы, когда над нами не будет тяготеть неумолимая и суровая нынешняя действительность, когда наши жизни будут в наших руках. Когда вокруг себя мы будем видеть не безразличие или коварство, а сочувствие и добросердечную помощь.

Этой надеждой мы живем, эта надежда нас поддерживает в она нам освещает путь в темной ночи опасных человеческих недостатков, постоянно окружающих нас.

Много сил и много выдержки необходимо, чтобы пронести свою любовь над головами других незапятнанной и чистой. Со дня на день мы можем расстаться и, может быть, на длительный срок. Впереди опять фронт, новые трудности и испытания.

И мы надеемся с честью пройти предстоящий путь, бодрыми и радостными вернуться к вам, чтобы, наконец, полным цветом расцвело наше будущее счастье.

Из письма родителям
Поти, 8 декабря 1943 года

Пишу вам из Поти, куда я прибыл прямо с передовой. Здесь мы будем снимать часть эпизодов, нужных для нашей картины. Срок пребывания, по всем данным, не меньше полутора месяцев. Мне так не хотелось уезжать с передовой и опять работать в тылу, но ничего не поделаешь – таков был приказ начальства.

О себе скажу коротко. Жив-здоров. По-прежнему работаю с Донцом[7]. Сейчас, например, большая работа здесь, в Поти. Дальнейшая наша деятельность будет проходить сообразно развертыванию событий. Получил полное флотское обмундирование, так что теперь я обеспечен одеждой хорошо.

[7] Г.А. Донец – оператор и режиссёр документального кино, фронтовой кинооператор в годы Великой Отечественной войны.

Из письма родителям
7.12.43

Сейчас пишу вам из Анапы, где у нас промежуточная база. Вчера ночью вернулся с передовой. Снял немного, была штормовая погода, да и не было в этот раз ничего особенно выдающегося. Не завтра-послезавтра еду снова. Сейчас сидим здесь без дела. Ждем. Я хожу с поцарапанным носом, так как пропахал песок, когда, ложась на землю при приближении снаряда, был кем-то подтолкнут сзади и, не удержавшись, упал на живот. В остальном полный порядок.

Из письма брату Александру
15 февраля 1944 г.

Помнишь, я тебе несколько раз писал о возможности скоро встретиться, а не так давно даже пообещал как можно скорее превратить желание в жизнь, но придется, как это ни прискорбно, отложить встречу до прихода в Севастополь, т.к. я сейчас получил собственный съемочный аппарат, а с ним и соответствующие указания о моей работе в Керчи.

Так что я с корабля и воздуха сошел на сушу, а по суше, да еще через немцев, к тебе не скоро доберешься. Однако я надеюсь, что ты с севера, а я с востока войдем в Крым, а там где-нибудь наши пути пересекутся.

Мне сейчас предстоит серьезная и ответственная работа. Приложу все силы и все умение, чтобы оправдать доверие, оказанное мне (то есть, получение самостоятельной камеры). Тебе, наверное, уже известно, что старики наши выразили глубокое недовольство моими последними действиями, но в ответном письме я им коротко объяснил причины, вынудившие меня так поступить, т.е. покинуть спокойную и абсолютно безопасную работу и сменить ее на рискованную, но почетную и интересную. Мне очень печально, что доставил им неприятности, но так поступить было необходимо.

ПИСЬМА ИЗ КРЫМА РОДИТЕЛЯМ

29 апреля 1944 г.

Из газет вы знаете о стремительном продвижении наших войск в Крыму. Мы двигались с передовыми частями по южному побережью. Феодосия, Алушта, Ялта, Гурзуф и другие невиданные мной доселе приморские города проносились мимо нас с молниеносной быстротой. Мы только успевали кое-что снять на пленку и словно угорелые мчались дальше. Переживаний, ощущений и впечатлений – огромное количество.

С этим мы подошли к подступам к Севастополю. Здесь противник, установив большое количество техники и вооружений, стянутых в одно место, сопротивлялся с ожесточением раненного зверя. Буквально каждый метр земли нашим бойцам приходилось брать с боя. В воздухе не прекращается гудение от летящих и разрывающихся снарядов, ревущих самолетов и падающих бомб. Наши артиллеристы работают классически, выковыривая метким огнем из орудий фрицев, зарывшихся в скальную породу крымских сопок. Бомбардировочная авиация и штурмовики последовательными волнами бьют сопротивляющегося противника с воздуха.

Но, видимо, полная обреченность скопившихся в Севастополе немцев, осознание того, что в любом случае у них единственный финал – смерть, придает им ожесточение в сопротивлении натиску наших бойцов. Но и наши бойцы, озлобленные их упорством, стремятся освободить родной Севастополь (впереди, как всегда, морская пехота), не знают ни сна, ни отдыха и под ураганным огнем врага идут напролом.

Машина киногруппы – «коломбина»[8]. К. Дупленский - справа

Вот почему и нам, кинооператорам, не представилась возможность отдохнуть и сделать кое-какие личные дела. Мы все это время были на переднем краю и схватывали на пленку один интересный момент за другим. Работа захватывает полностью, и порой забываешь от самых насущных вещах, об отдыхе и еде. Только когда темнота лишает нас возможности снимать, мы вспоминаем, что желудку тоже необходимо дать работу, а голове нужно немного успокоиться. Замертво валишься в машину и спишь как убитый.

Сегодня мы решили немного отдохнуть, привести в некоторый порядок свой внешний вид, заправить машину и произвести ей кое-какой ремонт. Для этого отъехали от переднего края с десяток километров в горную деревушку, где тихо и спокойно. Ведь мы здесь – свободные птицы, без своей части и своих тылов. Приходится пользоваться добротой солдат. А они нас всегда очень хорошо принимают и ни в чем не отказывают. Особенно нас хорошо встретили и крепко держат моряки в солдатских шинелях – оно и понятно, все-таки родные люди.

Несмотря на то, что впереди еще много трудностей, все же близок час освобождения Севастополя, близок час окончательной победы над врагом в Крыму, а там и встреча наша с Шуриком[9] – он ведь тоже здесь, только с другой стороны Севастополя.

30 апреля 1944 г.

Заканчивать письмо приходится сегодня. Вчера вопреки нашим предположениям пришлось раньше намеченного вернуться на передний край. Но сегодня дождливая погода и снимать нельзя.

[8] Обычно операторы выезжали к месту съемки на специальной полуторке с фанерной будкой в кузове, получившей названием «коломбина». Будка была в виде купе, где кроме печки, помещались койки, хранились кинопленка, аппаратура, продовольствие, горючее.
[9] Брат Александр.

Жаль, что 1-е мая придется встречать в окопах, а как хотелось в этот день быть уже на севастопольской земле. Но ничего, будем считать, что все, что делается – к лучшему.

Сейчас трудно что-либо предполагать из будущего, но может случиться так, что меня могут отозвать из фронтовой хроники для работы по художественному фильму. С одной стороны, мне хочется вернуться к любимой мной области работы и работать в Москве, а с другой – не хочется до конца войны уходить из фронтовой обстановки.

После Севастополя у меня есть очень интересная перспектива работать на Дунайской флотилии, увидеть новое, получить больше впечатлений. Да и командиры у меня там есть знакомые, поэтому и жизнь и работа там могут быть заманчивы. Но все это пока предположения. Во всяком случае, поступлю так, как будет правильно. А так – мы здесь порой вспоминаем домашние удобства, уют, чистоту и спокойствие. Но все это только мимолетно, перед сном, и то в минуты затишья, которых сейчас бывает очень мало. Стоит только увлечься работой, так голова работает только над тем, что важно. Помните, я писал вам, что только на фронте я найду полное откровение жизни, что только пройдя сам лично эту полосу, испытав на себе все тяготы и трудности, я буду знать настоящую цену жизни и цену людям. Предполагая это, я не ошибся и очень рад, что после долгих неудач мне, наконец, удалось достичь своей цели, т.е., быть на фронте самостоятельным работником, делать то, что я обязан делать как корреспондент, фиксатор жизни, суровой, но благородной.

Теперь я собственными глазами вижу то, о чем мне говорили и о чем читал. Теперь я сам рассказываю людям об этом. А когда мы снова будем вместе, соберемся всей семьей, нам будет что вспомнить, что рассказать и чем похвалиться. А главное, нам не стыдно будет смотреть в глаза тем, кто достоин внимания, а тех, кто такого внимания не достоин, мы будем презирать. Ясно? Надеюсь, понятно, о чем я говорил.

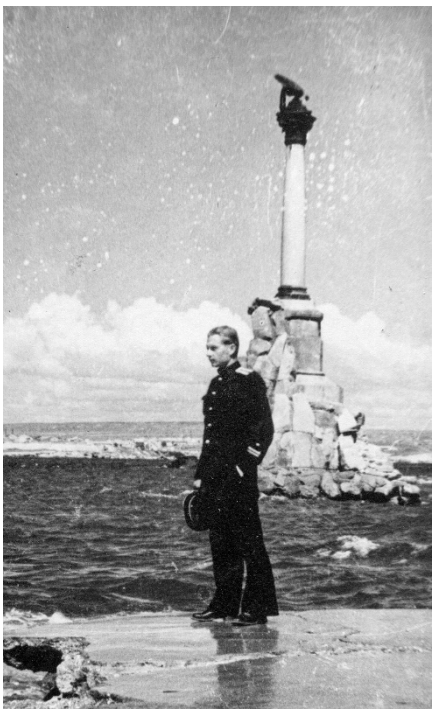
19 мая 1944 г.

Вы даже не представляете себе, сколько событий произошло за этот короткий срок, сколько получено незабываемых впечатлений, сколько трудностей и опасностей пережито и сколько проведено работы!

Как вы знаете из газет, штурм севастопольских позиций начался 7 мая. То был настоящий штурм, если не сказать – Бородинское сражение. То, что творилось, словами передать трудно, нужно было видеть это собственными глазами, слышать и чувствовать на себе. Когда выйдет наша картина, то увидите все. Вот поэтому я и не мог уделить для себя лично час, чтобы черкнуть вам, потому что с самого раннего утра и до позднего вечера был на ногах, фиксируя на пленку этап за этапом штурм почти неприступных позиций врага. Сама собой понятно, что смертельная усталость и пережитое позволяли только перекусить и добраться до своего места в машине.

И темп наступления, взятый с самого начала, не ослабевал до конца. В ночь на 10-е мая наши передовые части вошли в Севастополь. Утром 10-го мая появились там и мы.

Вот он – город славы и геройства! Вот он – город-красавец! Вот он – кумир и родной город моряков!

К. Дупленский в Севастополе у памятника затопленным кораблям

Поверите мне или нет, но я был растроган, став на священные камни севастопольских руин. Я не говорю о моих товарищах, которые украдкой утирали глаза, наполненные слезами тяжелых и незабываемых воспоминаний участия в обороне Севастополя 41-42 гг. Из моряков мы были одни из первых, кто вошел в Севастополь. У нас не было военно-морского флага, чтобы поднять его в знак победы. Бескозырка на мачте заменила нам флаг. Развевающиеся на ветру черные ленточки резко выделялись на фоне белоснежных облаков, символизируя собой радость победителей.

Здесь, на развалинах у Приморского бульвара мы сели и распили бутылку трофейного французского коньяка и, само собой понятно, пили за Севастополь. Жизнь и работа корреспондента исчисляется минутами. Нам нужно везде успеть и всегда быть там вовремя. Поэтому, быстро схватив на пленку все необходимое, характерное для первых часов освобождённого города, мы вновь помчались на передовую, которая все теснее и теснее прижимала немцев к Херсонесскому полуострову. Там мы работали до позднего вечера и к сумеркам вернулись в Севастополь. С утра начался окончательный разгром немцев, оставшихся на Херсонесском полуострове. В несколько часов все было с ними покончено. Тысячи пленных, тысячи убитых и раненых, неисчислимое количество трофейного вооружения и техники – вот результат одного и окончательного дня войны в Крыму,

Сами понимаете, что для нас это означало огромное количество работы, и даже работая дотемна, мы не успели заснять все незабываемые, радостные и тяжелые события. Впечатлениями и в письме поделиться трудно. Одно то, что я почти не спал после этого всю ночь, несмотря на адскую усталость, должно сказать о многом. Огромное количество работы занимает целые дни.

К. Дупленский снимает освобожденный Севастополь

О себе многого сказать не могу, так как перспективы пока неопределенные. Думаю, что после небольшого отдыха поеду на Дунайскую флотилию. О Москве думать пока рановато, так что придется еще несколько месяцев поработать здесь, на юге. Своей судьбой и своими действиями я менее всего волен распоряжаться.

Из письма родителям
31 августа 1944 г.

Вот и попал ваш сын за границу и прямо с ходу. Помните, я в предыдущем письме упоминал о предстоящем походе? Целью его оказалась Констанца, крупный румынский порт. Из Одессы мы вышли в полдень того же дня на торпедных катерах, сначала взяв курс на Сулину. За время перехода (который длился около 7 часов из-за различных небольших приключений) я промок до основания, т.е. брюки и китель были буквально как губка.

Куртка, которую мне дали матросы, не спасла от нескончаемых потоков вздыбливаемой бешенным движением воды. А когда ветер окреп и волны стали больше, то наш катер можно было назвать подводной лодкой. В таком мокром виде я прибыл в Сулину, где, сойдя на берег, постарался поскорей избавиться от лишней воды, т.к. дрожь постепенно начинала дергать мое тело из стороны в сторону. Ни обогреться, ни обсушиться в Сулине не удалось, т.к. вскоре вновь погрузились на катера и пошли на Констанцу. Ночью море разбушевалось еще больше и еще сильнее нас обдавало водой. Так что я, не высохнув, промок в другой раз. В полночь подошли к Констанце, а с рассветом на полном ходу вошли в порт. Не прошло и часа, как морская пехота, высаженная с катеров, заняла весь порт и город.

Работы для меня было много и я, забыв про мокроту свою, носился как угорелый, стремясь успеть повсюду.

К обеду, закончив съемку, я с группой других корреспондентов направился в гостиницу, где расположился в шикарном номере, принял ванну и бросился на манящую белизной кровать и заснул как убитый.

Операторы К. Дупленский и В. Афанасьев на торпедном катере

Сегодня мы все бродили по городу и отдыхали. Все кругом для нас необычно и поэтому интересно. Ведь мы в чужой буржуазной стране, а здесь ведь свои особенности. Пока в ожидании

своего начальства я имею свободное время и посвящу его детальному ознакомлению с городом. А потом думаю добиться отпуска, чтобы съездить к Нине на 2-й Украинский. Возможно, что придется еще сходить еще в один поход, на юг. Но это пока предположительно, события покажут.

Из письма родителям
Севастополь, 11 ноября 1944 г.

Снова, снова я на родной русской земле. Как это хорошо и приятно, если бы вы знали! Нужно было побывать на чужбине, чтобы всей душой оценить свою Родину, где все, все до самых мелочей, приятное и неприятное, дорого сердцу русского человека. Это чувство не опишешь – его переживаешь.

Да, больше двух месяцев скитался я по заграницe. Побывал во многих местах, много видел, многое узнал, но нигде и никогда я не чувствовал радости и удовольствия. Все не наше, не русское – чужое. Чужие люди, чужие нравы и обычаи, чужая, непонятная речь. Какая же тоска по родине щемила сердце, когда думал о России. Да, теперь вновь на своей земле, но опять ненадолго.

Однако лучше описать все по порядку.

Я давно просил у своего начальника краткосрочный отпуск, чтобы съездить и повидать Нину. Мотивировка на этот случай у меня была основательная, и он обещал после Болгарии отпустить меня. По возвращении в Констанцу я сразу же напомнил ему об его обещании. С большим трудом удалось добиться согласия и я, не тратя времени, пока он не передумал, в тот же день сел на поезд и выехал на ее поиски. Как я ее искал, описывать долго. Во всяком случае встретились с ней далеко от моря, в Трансильванских Альпах.

Здесь она никоим образом не ожидала увидеться со мной и рада была несказанно. Но вот вскоре началось наступление на Венгрию и я, по договоренности с начальником, обязан был следовать с передовыми частями и снять вступление войск в Будапешт. Вопреки ожиданиям, продвижение наше оказалось не столь быстрым и легким, как я предполагал. С тяжелыми боями шли вперед. Пять дней та часть, где я находился, была отрезана от основных сил и действовала в тылу противника. Затем, со взятием одного города вышли из окружения, и я снова встретился с Ниной. Дальнейшая моя работа проходила в более нормальных и спокойных условиях, и я имел возможность бывать у Нины. О том, что встречи наши были для нас обоих большой радостью, нечего и говорить.

31 октября я уехал из Венгрии, чтобы вернуться в Констанцу, где я должен был уже давно находиться. Предполагалось, что группа должна была перебраться на Балтику, и мне необходимо было спешить, чтобы не вышло неприятностей.

Предположив, что все наши в Севастополе, я пришел сюда на корабле. Но здесь я встретил только трех операторов и узнал, что группе пришлось отправиться на фронт в Венгрию. Значит, мне опять предстоит путь в ту же сторону, где Нина. Завтра-послезавтра я выеду в Одессу, откуда думаю обязательно на пару дней съездить в Москву, где необходимо привести в порядок мои студийные дела.

По поводу повышения моей категории я получил телеграмму от начальника фронтовых групп кинохроники с пожеланием успехов в работе. До этого я числился ассистентом

оператора 2-й категории, а сейчас, минуя ассистента оператора 1-й категории, получил оператора 3-й категории.

Из письма мамы в Самарканд
9 января 1945 года

Положение серьезное. Переехали в другую деревню, через которую летят болванки. Раненых везут и везут. Все работают в перевязочной. На столе лежит раненый в живот, которому собираются делать операцию. Я стою, мою руки жесткой щеткой, готовлюсь к операции. Мария Ивановна, наш ведущий хирург, почти что всегда меня берет ассистировать, чему я очень бываю рада. Вдруг открывается дверь, заглядывает почтальон и кричит: «Операционный взвод, берите свои письма!». Раненый лежит на столе в операционной под наркозом, но еще не совсем заснул. Мы с М.И. стоим наготове, она держит скальпель в руках, а я – пинцет с шариком.

В операционную тихонечко открывается дверь и просовывается физиономия одной нашей сестрички, которая шепчет: «А.И. и М.И.! Вам письма», и кладет их на окно. Марии Ивановне письмо от мужа, а я от вас получила письмо. Читать их пришлось через 3,5 часа.

Из письма родителям
Австрия, 4 апреля 1945 г.

Безостановочное продвижение наших войск через оставшуюся территорию Венгрии и дальше по Австрии к Вене лишило нас возможности остановиться где-нибудь на два-три дня, чтобы дать знать о себе.

Сегодня, к счастью, удалась первая ночь, когда получилось немного осесть, отдохнуть, побриться и даже помыть голову, т.к. до этого всегда было только одно единственное желание - спать, спать, спать. За день намотаешься настолько, что не рад белому свету. Особенно для меня, когда за рулем машины сижу я сам. Машину приходится водить в самых разнообразных и подчас тяжелых условиях, с большими затратами нервной энергии, с криками, шумом и руганью. Все дороги битком забиты бесчисленной массой нашей техники и войск. Порой даже поражаешься их обилию. Для того, чтобы проехать 50-60 км, приходится тратить 5-6 часов.

Сейчас мы находимся в 20 км от Вены. Здесь начинаются разворачиваться бои. Видимо, фрицы решили за Вену драться. Ну, что ж, можно и австрийцам на деле доказать силу русского оружия и оставить их без портов. На сегодня обстановка пока не дает возможности делать прогнозы, однако все шансы за то, что не завтра-послезавтра подойдем к окраинам Вены.

Сегодня, кстати, смотрел на карту и прикидывал, насколько мы уже ушли от Будапешта, где только неделю назад были все трое вместе. Подобно туристам на своей машине разъезжаем по разрушенным улицам и видим результаты двухмесячной осады. Это было в последний день предоставленного мне отпуска. На следующий день я был уже у себя на базе и, получив новое направление, выехал на фронт. На базе узнал, что выпуск о Будапеште уже вышел на экраны, а я в числе других операторов получил премию в размере 4000 руб.

Из письма родителям
3 мая 1945 года

В то время он находился в Австрии после того, как взяли Будапешт и Вену, ожесточенные бои за которые он снимал вместе со своими товарищами по киногруппе.

Он всегда был сдержан в выражении своих чувств и переживаний, но только почитайте, как и что он пишет в эти последние дни войны и сразу после Победы! И это – в сугубо частном, семейном письме! По этому можно безошибочно судить о том, что было в душе и на сердце у наших солдат и офицеров в те дни.

Ему было в мае 1945 года 25 лет. Совсем еще молодой по годам, но как же быстро на войне люди мужали!

Первое мая мы встретили высоко в Альпийских горах, вспоминая при этом легендарные переходы через них суворовских войск. Много лет прошло с тех пор, и вот теперь снова наши солдаты множат славу русской выносливости, мужеству и настойчивости.

Холодно и мрачно в горах. Свинцовые тучи своей тяжестью навалились на вершины и иногда сквозь них просвечивает снежная белизна хребтов. Фрицы засели в горах и сопротивляются даже сейчас, когда бессмысленность их сопротивления очевидна. Многих трудов стоит гнать их с одной высоты на другую. Немало каверзных неожиданностей сулят нашим солдатам чащи горных лесов и завалов, но несмотря ни на что, одна высота за другой падает под напором наших войск.

Конец войны близок. Придет день, когда замолкнут громыхающие орудия, оденется чехлом пулемет, и солдаты, почистив и смазав свой автомат, с рук перебросят его за спину. В этот день не нужно будет ползать по земле, пряча голову и тело за каждый камень, в каждую ямку. В этот день мы вздохнем полной грудью, почувствовав, что тяжелая ноша, которую наш народ несет четыре года, свалилась с наших плеч. В этот день мы будем счастливы, осознав, что настал час встречи с родными, любимыми и друзьями, час возвращения на Родину. И что самое радостное – час этот недалек!

Эх, Родина, родной дом, спокойная, мирная жизнь, как желанны вы были нам, и какое нетерпение связано сейчас с мыслью о возвращении к вам! Мы в это верим, и в этом наша сила, непобедимость русского человека.

А это письмо (от 15 мая) буквально следует за предыдущим, даже на такой же почтовой бумаге написано.

Поздравляю вас с великой победой русского оружия!

Да, пришел конец ожесточеннейшей из всех войн в истории человечества, и мы являемся свидетелями этого. Сколько тяжелых испытаний явили нам прошедшие годы, сколько бедствий и лишений претерпел наш народ и все же не уронил чести русского могущества и силы.

Сознавать это, гордиться этим – большое счастье для всех нас. И другим большим счастьем является осознание возвращения из мрака к свету, от смерти к жизни. Ведь теперь снова настанет для нас полноценная жизнь, созидательная и радостная, которую мы с таким ожесточением отстаивали и за которую так упорно боролись. Вернулась, вернулась жизнь!

Как же радостно чувствовать это! Ведь пришла та пора, когда все наши мечты и желания, томившиеся в годину боев, будут иметь возможность стать реальностью.

Разве это не счастье?

И счастье это тем более дорого, что приобретено оно ценой многих жизней и рек крови.

И грех будет лежать на душе у того, кто, будучи веселым, не вспомнит простого русского солдата в предсмертной агонии, истекающего кровью где-нибудь в снегах Подмосковья или лесной чащи кавказских гор. Наше счастье стоит дорого, но наш народ заслужил его честно.

Во веки веков жизнь торжествовала над смертью. Так и сейчас она снова вступает в свои права, радостная и цветущая. Так слава этой жизни, несущей нам счастье земного существования! Слава народу, добившемуся ее!

Из письма родителям
15 декабря 1945 г.

Снова, к нашему великому счастью, судьба свела нас вместе. На самом краю земли советской[10] произошла наша встреча, почти негаданно, случайно. И правду говорят, что самое важное и значительное происходит неожиданно. А для нас это тем более важно, что мечты о последней и неразлучной встрече лелеяли мы в сердцах наших все эти годы. Наконец, свершилось то, что мы так ждали оба – мы вместе и надеемся, что не будет сил, способных разъединить нас. Придет час, когда Родина опять встретит нас, но не по одиночке, а вместе. Как это хорошо и радостно, что судьба наградила нас счастьем в долгие годы военной разлуки и теперь соединила навек!

Душа рвется наружу и поет, а сердце готово разорваться от упоения любовью, сохранившейся и окрепшей в огне и грохоте войны. Сейчас мы находимся в районе Порт-Артура, где, думаем, пробудем несколько месяцев, а затем ехать надо или в Москву, или к вам в Самарканд.

Из письма папы сестре и мне в первый день его рождения после ухода мамы
Челябинск, 1983 г.

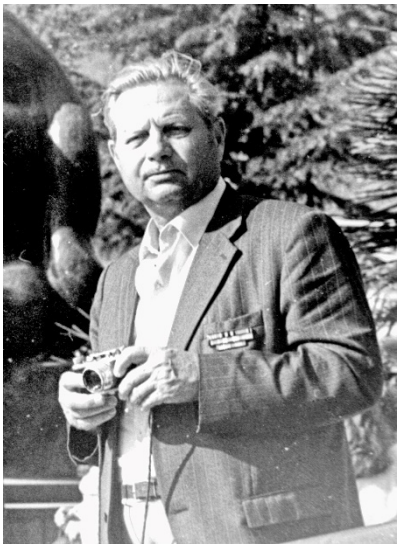
Здравствуйте, дорогие мои дети!

Сегодня – день моего рождения. Но нет на душе обычной в таких случаях радости. Может быть, оттого, что каждый новый день рождения неумолимо отсчитывает последние, оставшиеся до финиша, годы жизни, может быть, оттого, что на этот раз я встретился с этим днем один-на-один, и это обстоятельство привело меня к такому сплину, что глаза мои застлались плотной пеленой горьких слез, а на душе стало горько и невыносимо тяжко от осознания того, что вот я дотянул до начала своего шестьдесят четвертого года, а наша дорогая, незабвенная мама уже навеки уснула. Почему так?

[10] В Порт-Артуре.

Из жизни первыми уходят те, кому надлежало бы жить еще многие и многие годы для окружающих их людей и для того, чтобы заслуженно радоваться тому, что родилось и поднялось с рост с помощью их титанических усилий, граничащих порой с истинным самопожертвованием. Именно таким человеком была ваша мама.

За заботой о людях, близких и неблизких, за переживаниями о них, мама забывала о себе, о своих недугах, о своих годах. И в день своего рождения, как ни в какой другой день, мне хочется по-настоящему добрым словом помянуть нашу дорогую маму и не забывать о том всем добром, что она сделала для всех нас, не забывать до тех пор, пока бьется наше собственное сердце, пока разум и чувства в силах воспринимать то, что зовется любовью к человеку.

Последняя прижизненная фотография К.П. Дупленского

Память о Великой Отечественной войне – не поклонение пеплу, а передача традиций. Война оставила **невосполнимую** пустоту в сердцах миллионов людей, потерявших своих близких и родственников. Память о воинах Великой Отечественной войны — наше долговечное наследие. Мир и свобода обошлись **невероятно** высокой ценой.